

К надписи Хариксена, сына Хариксена

Характер письма надписи заставляет относить памятник Хариксена к I в. н. э., скорее к первой его половине. Из содержания эпитафии мы узнаем, что Хариксен окончил свою жизнь вдали от родного города. Факт нахождения плиты в Пантикапее (вероятно, кенотаф) указывает на то, что этим родным городом был Пантикапей. Чисто греческое имя и отчество наряду с содержанием эпитафии говорят о греческом культурном облике умершего.

В то же время рельеф дает нам традиционное изображение воина с обычным в то время для боспорцев вооружением. Поэтому следует думать, что Хариксен был воином, погибшим в военном походе где-то у дальних пределов Боспорского государства. О смерти на поле брани говорят и почет и добрая слава, которые стяжал он своей смертью.

Памятник Хариксена не является на Боспоре единственным образцом эпитафий такого содержания: можно привести IOSPE, II, 298 — купленное в Керчи надгробие Менодора, сына Аполлония, синопа (πατρὶς ἀλιεστράφους με γουναῖς ἑσπίρε Συνόπη), который также погиб в бою. Памятник этот относится к более позднему времени, чем надгробие Хариксена¹.

Из текста же эпитафии Хариксена видно, что он был уроженцем Пантикапея, так как был его гражданином. Надгробие его ценно для нас тем, что, найденное в Пантикапее, оно является единственным эпиграфическим документом, упоминающим пантикапейскую общину, пантикапейский δῆμος. Я имею в виду слова ἐκ βασιλείας καὶ δῆμου. Как известно, слово δῆμος имеет в греческом языке только одно значение — политическое: граждане полиса составляли его δῆμος. Ни одного постановления пантикапейского народного собрания до нас, как известно, не дошло.

В литературных источниках сохранилось единственное упоминание о состоявшемся собрании граждан Пантикапея. Д и о д о р (XX, 24) в рассказе о захвате власти Евмелом сообщает, что по возвращении Евмела в Пантикапей после битвы при Фате, смерти братьев его Сатира и Притана и умерщвления их друзей и семей, «так как граждане [πολίται] негодовали по поводу убийства родственников, он созвал народ [τὰ πλῆθη] на собрание [ἐκκλησία], произнес речь в свою защиту и восстановил отеческий образ правления [πατριον πολιτείαν]». Выступая на собрании, Евмел ставил своей задачей расположить к себе народ [δημαγωγῶν τὰ πλῆθη]. Не случайно, повидимому, Диодор или его источник для обозначения народа вместо слова δῆμος употребляют слово τὰ πλῆθη. Все собрание в описании Диодора походило не столько на заседание регулярно действующего учреждения, сколько на случайную сходку, митинг, так как мы не слышим ни о каких обязательных для кого-либо решениях или постановлениях, имеющих силу закона. Отсутствие среди эпиграфических памятников Боспора документов, фиксирующих решения народного собрания или других организаций, является красноречивым подтверждением такого положения вещей.

Так обстояло дело в Пантикапее, «столице» европейских боспоран и резиденции правителей Боспорского царства. Из «столицы же азиатских боспоран» (Страбон, XI, 490), Фанагории, дошло два базиса статуй боспорских правителей, поставленных, как сообщают вырезанные на них надписи, «народом агриппейцев». Фанагория была переименована в Агриппию, как известно, Динамией в знак благодарности римлянам после вторичного подворения ее на Боспорском престоле в качестве единоличной правительницы. Возникшая, подобно Пантикапею и другим городам Боспора, как независимый полис, Фанагория, однако, повидимому, уже при Археанактидах, вошла в состав Боспорского объединения. О подчинении Фанагории власти Спартокидов мы имеем бесспорные свидетельства надписей со времени Левкона I и Перисада I (IOSPE, II, 344 и 347). После гибели Митридата Евпатора Фанагория получила от римлян свободу за то, что первая из городов Боспора подняла против него восстание. Как пользовались фанагорийцы своей автономией и как организовали они политическую жизнь, мы не знаем. Длилась эта свобода очень не долго и не оставила в источниках никаких сведений о политическом строе города в этот период и о роли народного собрания или совета. Однако в Фанагории органы эти играли в общественной жизни во всяком случае большую роль, чем в Пантикапее. На это указывает воздвижение статуй царям Боспора от имени народного собрания: Динамии (IOSPE, II, 356, судя по наименованию фанагорийцев агриппейцами — не ранее 9/8 г. до н. э.) и какому-то из царей Боспора II в. н. э. (IOSPE, II, 360). В Пантикапее подобные случаи неизвестны: там статуи воздвигались от имени должностных или частных лиц царю как «личному своему спасителю и благодетелю».

Все это может служить дополнительным аргументом для обоснования характеристики власти правителей Боспора, данной С. А. Жебелевым: «По титулатуре Археа-

¹ Латышев с полным основанием датирует его по характеру письма I—II вв. н. э., точнее — не ранее второй половины I в. С датировкой Ватцингера [K i e s e r i t z k y — W a t z i n g e r, стр. 7, № 49a (I в. до н. э.)] согласиться нельзя.

накт и его преемники Археанактиды, так же как и сменившие их Спартокиды, были в Пантикапее «архонтами», но по существу и те и другие были, конечно, «монархами», что нашло отражение в литературной традиции, где боспорские «архонты» никогда так не именуются, а называются царями, тиранами, династами (ср. Страбон, VII, 310—311; XI, 493)¹.

Все указанные выше источники относятся ко времени существования на Боспоре монархической власти². Однако своеобразие исторической обстановки, в которой складывалось и развивалось «греко-скифское» государство, «не укладывающееся в рамки того представления, которое соединяется с представлением о греческой колонии»³, приводит нас к выводу, что, «говоря об объединении боспорских городов под властью правящей династии, неправильно было бы искать аналогий ему в практике греческих союзов и симполий. Оно скорее могло бы быть сопоставлено, разумеется, *mutatis mutandis*, с объединением городов и селений на Херсонесе Фракийском, вокруг основанного Мильтиадом Старшим Херсонеса»⁴. А это значит, что уже при первых греческих правителях Боспора у колониальных греческих общин в обстановке негреческого окружения возникает тенденция иного пути политического развития — монархического государства, законченное выражение которого мы видим в эллинистической монархии. Греческие города в составе эллинистического царства, особенно столичные, даже имевшие свою доэллинистическую «предисторию», как, например, Пергам, сохраняли лишь внешние признаки внутренней самостоятельности греческого полиса; Атталиды, не греческие, но эллинизованные правители Пергама, представляли по существу абсолютных монархов, законы и распоряжения которых не подлежали обсуждению и исполнялись беспрекословно. Ближкую к этому картину раскрывает перед нами Боспор при Спартокидах и позже, в период политической зависимости от Рима.

Существовала муниципальная организация как община граждан, т. е. жителей города Пантикапея. Собрание граждан избирало магистратов, обязанности которых сводились главным образом к заботам о городском благоустройстве, содержанию общественных зданий и учреждений, попечению о культах и т. д. Но ни народное собрание, ни городские магистраты в политической жизни никакого значения не имели.

7

Найдена в мае 1949 г. к северу от древнего Мирмекия, возле шоссе на дороге из Керчи на завод им. Войкова, при рытье котлована под фундамент жилого дома. Погребение, к которому относилось надгробие, полностью погибло вместе с инвентарем, в составе которого были керамические и стеклянные сосуды и мелкие металлические предметы.

Известняковая плита. Выс. 0,99, шир. 0,56, толщ. 0,13 м. Внизу по углам срезы для установки в постамент. Верх украшен узким карнизом и невысоким рельефным фронтоном с тремя круглыми акротериями и четырьмя четырехлепестковыми розетками. В четырехугольном углублении изображена «загробная трапеца». На ложе с точеными ножками, с изголовьем, украшенным львиной головкой, покрытом постелью, полулежит мужчина в хитоне и гиматии, опираясь левым локтем о подушку, с кубком в правой руке. У мужчины короткие пышные волосы и короткая борода. Перед ло-

¹ «Возникновение Боспорского государства», ИАН ОГН, 1930, стр. 819.

² Вполне правильно предположение С. А. Жебелева, что Евмел был первым правителем Боспора, принявшим официально царский титул («Боспорские этюды», ИГАИМК, 104, стр. 24).

³ С. А. Жебелев, Основные линии экономического развития Боспорского государства, ИАН ОГН, 1930, стр. 589—590.

⁴ «Боспорские этюды», стр. 12 с примечанием, приписанным рукой С. А. Жебелева, в оттиске из его личной библиотеки, хранящемся в библиотеке ЛОИИ АН СССР.

жем — трехногий столик с ножками в виде ног животного. На столике сосуд с вином и черпак. В ногах лежа, в кресле с точеными ножками, сидит женщина, обращенная вправо, слегка откинувшись к спинке кресла, со скамеечкой под ногами, в обычной позе печали. Она одета в хитон и пеплос, накинутый на голову, край которого она от-

Рис. 5. Надгробие Калистон, жены Эпикрата из Мирмекия

водит от лица левой рукой. За креслом в левом углу маленькая фигурка служанки с пиксидой. Под рельефом надпись, выс. букв: 0,023—0,025 м (рис. 5).

Κα[λ]ίστων γυνή
Ἐπικράτου
χαίρε

Имя Καλίστων ранее не встречалось. Необычно окончание женского имени на -ων вместо -ον или -ω. Известно имя Καλλιτώ (ИАК, 14, стр. 128—129, № 48). Написание через одно λ известно в надписи IOSPE, II, 114—Καλίστη.

Известняковая плита, обломанная сверху и с лицевой стороны, оббитая с обеих сторон. Выс. теперь 0,70, шир. 0,54, толщ. 0,17 м. Рельеф сильно избит и истерт. В середине рельефа — сидящая в кресле точеной работы, со скамеечкой под ногами, женская фигура, обращенная к зрителю. Голова ее утрачена вместе с обломанным верхом

плиты. На женщине длинный хитон и пеплос, из складок которого видна кисть правой руки, приподнятая к левому плечу. Левая рука, прижатая к груди, держит какой-то предмет или плод. Справа и слева — фигуры служанок, обращенные в три четверти. Стоящая слева — в обычной позе печали; та, что справа, держит пиксиду. Под рельефом надпись, вырезанная по линейкам очень глубоко по сильно ущербленному полю на месте уничтоженной прежней, читается с большим трудом. Выс. букв 0,05—0,04 м (рис. 6).

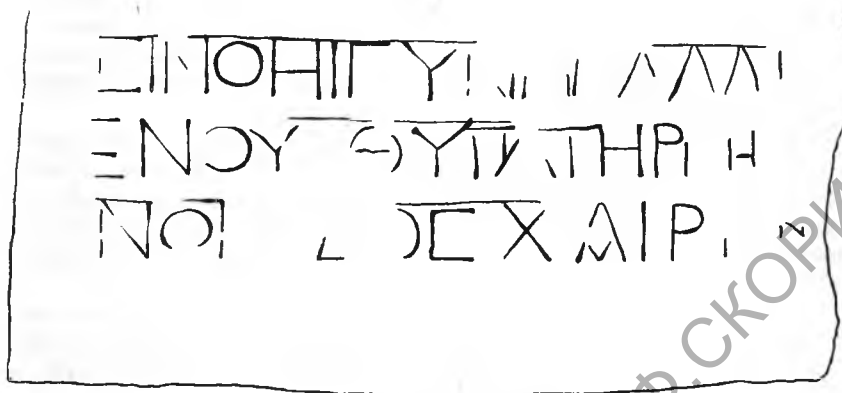

Рис. 6. Надгробие Арсинои

[Ἀρ] σινόη(ι) γυνή(ι) [Κ]αλλ[ι] —
 [σθ]ένου, θυγατήρι . . .
 . . νο . . . nos, χαίρε

9

Известняковая плита, обломанная сверху. Сохранившаяся выс. 1,43, шир. 0,57, толщ. 0,17 м. Внизу срез для установки в постамент. Рельеф, обломанный вдоль нижнего края, утрачен; видна только база колонны посередине и по обеим сторонам ее ступни ног двух мужчин. Под рельефом надпись, выс. букв 0,028—0,04 м (рис. 7).

ΑΥΛΟΥΠΟΡΙ ΚΑΙ ΥΙΕ
 ΒΑΣΙΛΕΙΔΗ ΧΑΙΡΕΤΕ

Рис. 7. Надгробие Авлупориса, сына Василида

Αυλούπορι και υίε
 Βασιλειδῆ, χαίρετε

Имя Αυλούπορις, нигде не встречавшееся, повидимому, фракийское (ср. IOSPE, II, 223: Μοκάπορις и IOSPE, IV, 254: Μοκκάπορις, а также IOSPE, II, 136: Αύλούζελμις и IOSPE, II, 136: Αύλόζελμις). I в. до н. э.— I в. н. э.

А. Болтунова